

ПЕРВЫЙ ВИТЯЗЬ

или XX с гаком лет спустя

Шмигалеv Николай

Николай Николаевич Шмигалеv

ПЕРVЫЙ ВИТЯЗЬ, или

XX с гаком лет спустя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24311024

Аннотация

Продолжение богатырской былины о богатыре славном Переборе Светлогорыче. В этой истории заматеревшему богатырю (как-никак лет двадцать с гаком уже минуло) защитнику земли родной, впервые в своей "карьере" предстоит покинуть княжество и отправиться в "загранкомандировку", то бишь в дальний поход по велению князя великого. Новые друзья-соратники, новые подвиги и приключения и... старые враги (личные и государства) – все они терпеливо ожидают вас, уважаемый читатель, на страницах этой книги, чтобы всем скопом пройти этот полный опасностей и неурядиц путь. В добрый путь, друзья!

ПЕРВЫЙ ВИТЯЗЬ ИЛИ ДВАДЦАТЬ С ГАКОМ ЛЕТ СПУСТЯ

Предисловие

Жил-поживал на земле предков своих богатырь рунийский Перебор Светлогорыч (громкое прозвище Славный Малый с годами, когда он бороду отпустил, как-то само собой отпало, ну какой скажите, глава рода, «Малый», пушай и «Славный»). Жил не тужил Переборушка. Семья у него получилась добрая, богатырская – семь сыновей и три дочери. Верная жена Алинушка (крещеная водой и огнём, а потому уже без кавычек), умница и красавица, а уж какая рукодельница, просто загляденье. Друг его раскосый Савко с детьми наместо мамок-нянек копошиться, не смотри что «блаженный», уму разуму их учит и здорово, я вам скажу, учит. Детишки Переборушки махорку не курят, пиво-водку не пьют, матом не ругаются, зато учатся на «отлично» и в секции с дядькой Саваном без пропуска занятий ходят. У него поди не забалуешь.

В общем, славно жилось богатырю. Если кто-нибудь, особенно из иноземных послов, «случайно» заходивших поздороваться к нему на двор, спрашивал его как дела, ничем он их «порадовать» не мог. Всё у него хорошо было.

Да и остальным на Рунии спокойно жилось, и пусть не

припеваючи, зато без нервотрёпки. Из-за кордона никто не зарился на земли рунийские, вернее зарился, как без этого, но делал вид, что это совсем не так. Женщин, детей да стариков никто не обижал, так как подросло за это время поколение защитников земли рунийской. Пусть ещё не богатыри, но уже дюже добрые молодцы. И сами они порой такой «отворот поворот» супостату устраивали, что надолго забывали авантюристы дорогу на Рунию, а чаще на веки вечные (ну вы понимаете, о чём я, земля им пухом). Даже из Диковатого Полюшка, где анархия испокон веку правила и беспредел процветал, периодически приезжали посланцы замиряться к князю Свистославу.

Расцвела Руния, что и говорить. Жила тихо-мирно, так жила что ни в сказке сказать, ни пером описать, ибо тут перо особое нужно, волшебное. А вот с этого момента, уже извиняйте, продолжается наша история поподробнее.

Так что читайте дальше и почитайте старших как богатырь рунийский, тогда и вас почитать будут.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Годы шли, а ведь люди с годами, как это ни прискорбно, не молодеют, а совсем даже наоборот. Вот и князь Свистослав Златоглавый состарился по самое «не могу». Он и в прошлый-то раз, когда мы вместе с вами, дорогой читатель, только знакомились с ним, был уже немолод. Нынче же

великий князь и вовсе постарел, особенно внешне: борода целиком поседела, шевелюра частично поредела, да и меж зубов у него промежутков прибавилось. Но всё равно правил Свистослав Златоглавый как заведённый, без остановки и практически без перекуров. Так что будь это уже сказка, можно было, не кривя душой молвить, мол, так и так, князь уже сорок сороков «отмотал» на престоле. На самом же деле, только шестой десяток его правления разменяла Руния, только шестой срок его к закату клонился. Да, князь был далеко немолод, но всё же держался... Не уходил на покой.

Его шут Сарканя, позвенец ещё некоторое время бубенчиками на кепке, после того случая, взял отпуск и рванув на альпийские луга покататься на санках, так там и осел. Сказывали, что совершенно случайно нашёл он там горшочек с золотом, которые обычно тамошние гномы от налоговой прячут. Вот и зажил якобы он там припеваючи.

Палача Сердюню тоже вскоре после известных событий князь настоятельно «попросил». Уж больно зарываться стал, будто и не заплечных дел мастер он вовсе, а, допустим, благородный боярин из древнего рода. Хотя это и раньше по роже было видно, что уголовщина и каторга по нему плачет

В общем, остался при князе из «старой гвардии», только, кто бы вы думали? Правильно, только дьяк Архистрах Плутархович, он же Архиплут, он же летописец, он же княжеский советник, он же серенький кардинал. Так-то! А вы думали, этот пройдоха будет зря время терять?! Ничего подоб-

ного! Он, тихим сапом, окончательно втёрся в полное доверие к князю, всё норовя и так, и эдак набедокурить в княжестве рунийском: то подговорит князя налоги повесить для пополнения и так не пустой казны, чтобы волнения поднять; то подскажет государю для кого-нибудь из малых автономий побольше власти делегировать, надеясь на рост экстремистских настроений; то надоумит Свистослава Златоглавого те же поднятые налоги вбухать в «бедственные» регионы, где работоспособных бездельников пруд пруди, чтобы уже всех скопом растормошить на какую-нибудь «плодово-пыльцовую революцию». Короче, старался Архиплут изо всех сил развалить страну изнутри, коли извне ни разу не получилось.

Но всё у него не выходило по серьёзному заварушку устроить.

Этот проклятый рунийский богатырь Перебор Светлогорыч, да кореш его Савко-«блаженный», вечно вставляли ему палки в колёса (причём Савко, вот же неугомонный проказник, однажды в буквальном смысле вставил ему между спиц черенок от лопаты, когда Архистрах катался вокруг дворца на самокате). Ушибся тогда Архиплут сильно, чуть дух не испустил. Князю пожаловался. А тот только пожурил потечески Савана и простил озорника (да и то, правда, какой спрос с «блаженного», с него взятки и те гладки).

Везде где появлялись эти двое, пусть даже и по отдельности, народ успокаивался. Перебор Светлогорыч взвешенно и доходчиво объяснял всем «политику партии» и «реформы

правительства», успокаивая народ, после чего вместе с Саваном шёл к князю, где они уговаривали последнего смягчить или изменить принятые решения, уповая «на мудрость» правителя.

В общем, выводили из себя они Архистраха Плутарховича. До тика левого века бесили, до тремора подбородка.

За эти годы одно усвоил Архиплут – пока жив Перебор-богатырь, не потушить ему этот жгучий свет на востоке и понимал, что погубить богатыря надо до того как взойдёт молодая поросль других рунийских богатырей. Ещё в тот проклятый день он поклялся себе продолжать дело сдохнувшего в том самом бою лорда Фосфора. Строя козни, он всё выжидал подходящего момента. И вот такой момент, кажись, наступил. И наступил внезапно – дьяк чуть было не проморгал его.

С возрастом все люди стареют, их, изначально острый разум начинает давать сбои, причём, чем старше, тем чаще эти «сбои». Провалы в памяти, мигрени, старческий склероз и маразм – вот неполный перечень возрастных «бонусов». Люди, те, что попроще, относятся к этому философски, мол, годы дают о себе знать, ничего не поделаешь. Те, что побогаче, ищут спасения от напасти у всяких шарлатанов: пытаются продлить молодость с помощью волшебного эликсира; вернуть память с помощью колдовского зелья; восстановить потенцию магическими пилюлями. Короли же, султаны и цари так не мелочатся. У них и возможности гораздо шире, и фан-

тазия здорово развита. Они, долго не думая (чтобы не забыть о чём думалось), вызывают отряд отборных головорезов и отправляют их «туда, сам не знаю куда» найти и принести (а тут уже у кого какая фантазия), например: молодильные яблоки, холодильные (так называемые криогенные) камеры, корень жизни, цветок бессмертия, живую воду. Кто-то вообще за вечной молодостью отправляет. В общем, кто во что горазд.

И наш князь Свистослав Златоглавый недалеко ушёл, вернее к тому же пришёл. С возрастом тоже немного на этой теме сдвинулся. Хорошо хоть у него с фантазией плохо было. Хоть нет и это тоже плохо.

Непонятно ещё о чём речь? Так читайте дальше!

Князь Свистослав понял, что тоже стареет. И уже не в первый раз жаловался он и лекарям, и дяку, и Перебору, и иноземным послам что «что-то с памятью моей стало, то, что было не со мной, помню». А в один прекрасный день, ни с того ни с сего, ударила князю в голову очередная блажь и решил он засесть за мемуары, чтобы восстановить хронологию событий «делов давно минувших лет» и «факты старины недавней». Кто-то подсказал ему, что это занятие, не только память натренирует, но и для благодарных потомков его труды окажут великую помощь в изучении истории государства от первого (во всех смыслах) лица.

Князь как проклятый, целый день, высунув язык из почти беззубого рта, карябал по бумаге гусиным пером, а когда ве-

чером прочитал все пол-листа своих «сочинений», чуть не заплакал. У него получилось что-то среднее между расписанием дня и расписанием занятий, начала века. До этого дня князь-то не подозревал, что в писательском деле талант ещё как нужен (ой, да чего на князя пенять, многие нынешние «мемуаристы» об этом до сих пор не подозревают).

Затужил князь, уж больно идея ему по душе пришлась, да на деле не воплотилась. Хорошо, тот же «доброжелатель» подсказал ему, что надо сделать. Он, «доброжелатель», рассказал ему, что в далёком Посредиземельном море-окияне, есть таинственный остров Геликондос, на котором взметнулась ввысь гора Парналикон и там, среди её альпийских лугов пасётся («все думают, что он мифический, а он настоящий как вы или я, даю честное слово на отсечение, великий князь») единственный в мире крылатый конь Пегасус. Сам конь белый («как пудра сахарная»), а крылья у него серебристые («словно иней на новогодней ёлочке»). Этот крылатый Пегасус, сам того не подозревая, является покровителем всех поэтов и писателей земли («истину глаголю, государь»), и любое перо, выдранное из его крыла, даёт его обладателю такой писательский талант, что там мемуары («тьфу на них»), «Войну и мир» за неделю написать можно («ну, как минимум, «Рунийский букер» в вашем кармане, князь-батюшка»).

Расписал, значит, ему Архиплут «картину маслом» и не забыл «честно» упомянуть, что дорого туда дальняя, и кое-

какими опасностями изобилует. Всё равно, что дорога «из сваряг в гречки», только в два раза дальше и раза в три – опаснее. А у князя уже глаза загорелись. Плевать ему и на опасности, и на расстояния. Ясное дело, не ему же в эту даль переться. Однако подавай ему серебристое перо Пегасуса на блюдечке и всё тут. Старики, они же как дети малые, только ещё вреднее. А в нашем случае ещё и князь великий. Вообще дело швах!

Даже Перебора Светлогорыча вызывали на князя воздействовать. Тот и так, и сяк, и эдак уговаривал князя не дурить и не истерить (конечно же другими, более вежливыми выражениями). А Свистослав Златоглавый и слышать ничего не хочет, вызвал пред очи грозные свои тридцать трёх юных ещё толком не обстрелянных, и не закончивших обучение богатырей и зачитал им написанный сию же минуту, с помощью скорописного услужливого дьяка, указ княжеский, которым отправлялись его «головорезы» в заграникомандировку за пером Пегасуса.

Понял Перебор Светлогорыч, что не отговорить ему правителя, искренне пожалел обрадовавшихся «командировке» юнцов и предложил князю... свои бескорыстные услуги.

Не ожидавший такого предложения от своего богатыря, князь даже опешил поначалу и, чуть было не отказался от затеи. Как это он здесь без силушки богатырской, эти вон совсем ещё юны да необстреляны; как на них охрану и оборону отечества оставлять. Ещё бы чуток и замяли бы досадный

инцидент, да «душка» дьяк вмешался. Стал хвалить Перебора перед князем, верность и силушку его восхвалять. Задурил, запудрил князю мозги и подsunул ему другой указ, заранее им приготовленный, по которому Перебор Светлогорыч должен был отправляться в путь один-одиёшенек. Знал Архиплут куда посылал богатыря рунийского – туда, откуда не возвращаются. А в его отсутствие с «блаженным» Саваном он и сам по тихому разберётся.

Князь и подписал документ не глядя, а затем и Перебор Светлогорыч, грозно глянув на дьяка, на указе подпись свою размашистую поставил и резолюцию, мол, принято к исполнению. Теперь уж ему деваться некуда было.

– Ты уж там береги себя, Переборушка, – немного придя в себя, проинструктировал князь собиравшегося уходить богатыря. – На рожон не лезь, заграничье всё-таки. По-быстрому туда, перо выдрал у коня окаянного и мигом назад. Ты родине здесь нужен. Эти-то, ученички твои, ещё сопляки совсем, им ещё учиться и учиться. Какие из них защитники.

– Вот и я о том же, – огорчённо ответил Перебор Светлогорыч. – Им ещё учиться надо родину защищать, а не в «командировках» да «горячих точках», головы почём зря сложить.

Князь отчаянно вздохнул и по-стариковски охнул (давал знать о себе недавний приступ радикулита).

– Ладно, княже, не грусти, – подбодрил Перебор старика, по доброй рунийской традиции любил и уважал богатырь

государя, несмотря ни на что. – Постараюсь поскорее управиться. Мне на чужбине тоже нет охоты долго задерживаться.

Приобнял богатырь князя за плечи и резво вышел прочь из его кабинета.

На улице построил разочарованных учеников-дружинников, сделал им отеческо-командирское внушение, проинструктировал, чем в его отсутствие заниматься должно и отправился пешком домой, благо недалече от княжеских палат его терем стоял.

Как только ушёл богатырь от князя, обрадованный таким оборотом Архиплут, скоренько удалился к себе в каморку. Всё как он задумал, так и получилось. Экий, ловкач!

Вытянув из-за ликоны плоскую бутылочку бренди, он плеснул себе на два пальца, подумав, плеснул ещё столько же и, чокнувшись с рунийским святым, залпом выпил. Благородный напиток приятно обжог горло. Дыхание чуток сбилось, но сразу же похорошело и тут же по телу расплылось блаженное тепло. Архиплут подмигнул рунийскому святому, и ему вдруг почудилось, что святой в ответ нахмурился, сведя нарисованные брови. Дьяк вздрогнул. Протерев кулаками глаза, он ещё раз поглядел на ликону. Нет, показалось. Нарисованные, пусть и святые, не могут ни радоваться, ни сердиться. Это всё сказки для простаков.

Архистраху вновь вернулось радостное настроение. Фальшиво насвистывая «Прощание славянки», он быстро напи-

сал несколько посланий и, привязав их к курьерским воронам, перекрашенным под сорок, разослал в пару-тройку адресов известие о том, что рунийский богатырь едет туда-то и туда-то. И добавил в примечании, что вдали от земли рунийской богатырь не такой уж и непобедимый силач. Поэтому кто его первым завалит, тем большой куш причитается, и отдельный магарыч для отличившихся.

Сделав все дела, Архиплут ещё выпил бокал бренди и, не раздеваясь, завалился спать. Надо выспаться и набраться сил. Завтра богатырь уедет и дел будет неувпоровот. Нас ждут великие дела! Гип-гип ура! Гип-гип ура!

На этой радостной ноте дьяк уснул, а с ликоны на него осуждающе глядел образ рунийского святого.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Да куда ты собрался, Боренька?! – завелась Алинушка, выслушав мужа. – Тебе в обед сорок лет, а ты всё в походы рвёшься.

– Да не рвусь я! – попытался оправдываться Перебор Светлогорыч. – Просто так получ...

– Просто так дети тоже не рождаются! – перебила его законная супруга. – Опять сам, небось, напросился?! Как ни глянь, ты у нас всегда родину защищаешь, а дети и всё хозяйство на мне! Ты знаешь, хоть, сколько у нас с тобой детей?!

– Десять.

– Ты их по именам-то помнишь?

– Миконя, Серавим, Сергой, – начал было загибать пальцы, богатырь. – Волька, Вальвара, Василина...

– Да не о том я, богатырь ты мой бесхитростный, – всплеснула руками Алинушка и бросилась на грудь мужу. – Не отпущу тебя! Слышишь, не отпущу! Чую я, не твоё это. Сгинешь ведь на чужбине! Не пущу!

– Солнце моё, ты каждый раз говоришь, что сгину, – нежно глянул богатырь на свою прекрасную вторую половинку, – То «в Проклятых Болотах», то «в Трольих Вертепах», то «в Чёрном Лесу». Теперь вот «на чужбине». Когданибудь, точно сглазишь.

– В этот раз всё иначе, – ответила Алинушка. – Раньше, ты на чужбине никогда не бывал, максимум – на нейтральной полосе, – а там тебе, не тут, там всё по-иному.

– Можно подумать, словно ты, солнышко, бывала в чужих краях.

– А может и была! – чуть не выдала своё туманное прошлое, богатырская жена, но тут же нашлась. – Даже если и не была, много наслышана про закордонье.

– Да ладно тебе, успокойся, – ласково обнял свою супругу-ладушку Перебор. – Я же, считай, почти на курорт еду. Там, говорят, рунички давно все трактиры и харчевни оккупировали.

– Тем более не пущу!

– Знатных подарков зато тебе и детишкам накуплю, – бо-

гатырь поцеловал жену в лоб. — Трехстворчатое Свет-Мой-Зеркало тебе в опочивальню привезу, или Багровый Цветочек, а может даже и Пальму Первенства раздобуду.

— Да не нужны мне твои подарки и трюмо дурацкое подавно не нужно, — вздохнула Алинушка. — Зачем вдове в зеркало пялиться?! Наблюдать как чахну в одиночестве?

Перебор взял её за плечи и, отстранив от себя, заглянул ей в глаза.

— Ну, сама посмотри, какой из меня мертвец? — нежно улыбнулся он. — Пока у нас шестнадцать сорванцов и ладушек не будет, об этом даже не может быть речи. Я обязательно вернусь к вам. Даю честное богатырское слово!

— Ну почему опять ты? — вновь прильнула Алинушка к своему суженному. — Вон сколько у нас хлопцев на Рунии. Не хуже ведь смогут.

— Одни уже либо слишком стары, другие ещё молоды-зелены, — пояснил Перебор, хотя она всё это не хуже его знала — проходила статистику имеющихся «штыков» в разведшколе.

Если бы в тот раз не её любимый муж, Руния была бы захвачена её бывшими сородичами и, как пить дать, разграблена всеми кому не лень. Уж сильно тогда споили руничей, алкоголизировали княжество, мужское население чуть всё поголовно не деградировало от хмеля окаянного. Теперь же когда вроде всё наладилось, она и не представляла, откуда новая напасть пришла и в чём тут подвох: Лорд Фосфор погиб, интригана Крёстного Папаню отправили баклуши из чурбач-

ков набивать, заменив на более адекватного и менее коварного. Ну не этого же, в самом деле, милого дьячка Архистраха Плутарховича подозревать (про Архиплута она даже и не подозревала). А может и впрямь ничего страшного, может её сердечко просто ревнует муженька, и так редкого «гостя» в родном доме, к его военным походам. Может ну их, эти предчувствия, пусть съездит, развеется.

– Так что, Алинушка? – вывел её из раздумья нежный голос благоверного богатыря. – Поеду я?

Она с нежностью провела по его заросшей курчавой бородой щеке.

– Чего уж там, поезжай, защита и надежда наша, коли вызвался, – молвила Алинушка, но предупредила. – Только смотри мне там, не забалуй: с сиренами и русалками не заигрывай, а то утопят, нет, сама утоплю; к куртизанкам, этим жрицам любви, не соваться; с нимфами и грациями не зубоскалить, с музами не любезничать. Узнаю, всем плохо будет: тебе бороду, а им космы повырываю. Ты меня знаешь!

– Ну что ты, лебедушка моя, в самом деле! – огладил бороду, Перебор Светлогорыч, усмехаясь. – О каких куртизанках может идти речь? Ты у меня одна, словно на небе луна.

– Я тебя предупредила, – строго глянула на мужа Алинушка.

– Ладно, уговорила, к бабам ни ногой, – лукаво прищурился богатырь, и легко поднял жену на руки. – Только давай-ка, голубушка, тогда, на всякий случай, ещё один злобо-

дневный вопрос уладим.

С этими словами Перебор Светлогорыч понёс свою невестомую супругу в опочивальню. Та и не вырывалась из его могучих рук, знала, бесполезно.

На сём первый акт данной главы заканчивается.

Добро пожаловать ко второму акту.

Перебор Светлогорыч с утра пораньше покормил отборным овсом Приорушку, лошадку свою богатырскую. Расчесал ей золотую роскошную гриву, элегантно свисавшую чуть ли не до земли, заплёл ей у уха тонкую косицу, поправил чёлку, и, сделав комплимент – «какая ты у меня красавица, не богатырская боевая лошадь, а зоомодель, никак не меньше», – пошёл управляться дальше.

Удивлены, что у богатыря рунийского не конь-огонь, а кобыла под седлом? Согласен, не «бабское это дело, воевать», так и Перебор Светлогорыч не раз говорил, когда ещё годовалая Приорушка, глупым стригунком бегала за ним по пятам. Баловал её богатырь, исключительно по доброте душевной: то сахарком, то свеколкой угостит. А несмышленная лошадь, решила, что приглянулась богатырю именно в качестве вспомогательной боевой единицы.

В общем, не отставала бойкая кобылка от Перебора, а другим коням, даром что самцы-удальцы, не позволяла отираться рядом с богатырём (всякий конь за честь считал под седлом настоящего богатыря службу нести, вот они и пытались

подмазываться). Такой нагоняй им «девка» устраивала, что у кандидатов в богатырский кони, отпадало всякое желание становиться не только боевым скакуном, но даже обычным военно-обозным тягловиком. В общем, добила Приорушка своего – не мытьём, так катаньем, да ещё каким катаньем. Перебор, когда в первый раз сел на неё, посмеивался в бороду, мол, сейчас лошадка под ним присядет на все четыре ноги и оконфузится «бабёнка». А та, не то чтобы не присела, ещё и понесла его галопом по кольцевой – только пыль столбом. По окончании ознакомительного тест-драйва, богатырь понял, что другого коня, лучшего, чем эта сноровистая кобылка, ему не сыскать. Так и зачислили Приорушку в богатырские скакуны. И с тех пор во все походы Перебор ездил исключительно на своей любимице.

Вот вам и «кобыла»!

Ну да ладно, вернёмся в настоящее.

Перебор Светлогорыч, пока мы с вами его лошадь обсуждали, уже успел и курам проса насыпать, и борову ботвы накрошил, сторожевых волкодавов объедками побаловал, бурёнкам сена в хлев наносил.

Управившись по хозяйству, собрал он свои походные пожитки и наготовленный женой продпаёк в дорожный мешок. Надел кольчугу с золочеными бляхами на плечах и груди. Снял со стены именной меч из стали высшего качества марки «супербулат», в расписных ножнах с вензелями, подаренный ему туртульскими кузнецами-умельцами. Опоясал-

ся им. Водрузил на свои русые кудри шишак. Поглядев на своё отражение в кадке с водой, довольно крикнул («красавец-мужчина!») и вышел из терема.

Вернувшись в стойло, Перебор нацепил на лошадь седло, подтянул ремни, надел уздечку, поправил сбрую и, приторочив мешок к седлу, вывел Приорушку на двор.

На крыльце уже стояла супруга с младшеньким Олешкой на руках. Заспанный сынишка был без штанишек, в одной белой рубашонке-распашонке.

– Кстати ты не знаешь, куда Савко запропастился? – спросил Перебор, принимая на руки сынишку.

– Забыл что-ли? Савко со старшими в летнем лагере юных дружинников на Селикогелере, – постучала указательным пальчиком богатырю по шлему Алинушка. – Уже неделю они там загорают.

– Верно! – вспомнил Перебор. – А то я думаю, что в доме так тихо? Ну, ничего, пусть лучше за детьми смотрит, а я сам справлюсь.

– Горе ты моё луковое, героическое, – стоя на третьей ступеньке перед мужем, Алинушка всё равно встала на носочки, чтобы дотянуться губами до губ мужа. Поцеловав любимого, она смущённо добавила. – Чую я у нас скоро одиннадцатый сорванец будет.

– Вот так новость! – улыбнулся Перебор и подкинул вверх годовалого Олешку. – Так-то сынуля! Скоро у тебя ещё братишка или сестрёнка появится!

Прижав к груди сына, богатырь потянулся к жене и в ответ сладко поцеловал её в вишнёвые губы.

Первые солнечные лучи окрасили деревянных петушков на крыше терема. Город начинал просыпаться, а значит, скоро появятся окаянные «пробки» на мостовых.

– Ну, всё, пора мне! – протянул сына жене Перебор Светлогорыч. – Выеду из града, пока давка не началась.

– Обожди-ка, дорогой муженёк! – спохватилась Алинушка и поднялась в терем. Спустя минуту она вернулась, держа в руках свёрток. – Вот! – протянула сверток, – Эти волшебнo-магические энциклопедии надо завезти волхву Перломудру. Давно обещала вернуть, да всё забывала.

– Алинушка! Мне же совсем в другую сторону, – попытался отвертеться от попутного задания, богатырь.

– Знаешь, что, дорогой, для князя ты готов на край света тащиться, а родная жена попросила, так ему, понимаешь, «в другую сторону», – с пол-оборота «завелась» и начала «пилить» мужа Алинушка, что тебе «Дружба». – Такой пустяк и то для меня тяжело выполнить. Ничего страшного, для богатыря тридцать вёрст не крюк. Отдай ему лично в руки, чтобы не пропали. Заодно и передай старику, чего это он давненько не заходит к нам в гости. Скажи мол, по его крылатым перлам соскучились.

– Всё! Замётано! Заеду я к твоему волхву! – сунул свёрток в мешок, Перебор и ловко вскочил в седло. – И привет передам, и приглашение, – свесившись с седла богатырь по-

целовал жену в лоб и прищипорил Приорушку, прочь со двора: не любил он эти жинкины сценки.

– Береги себя, сокол мой ясный! – крикнула ему вслед Алинушка. – Скорее возвращайся, мы будем ждать тебя.

Богатырь помахал ей на прощанье рукой и, выехав за ворота, свернул в сторону выезда из стольного града.

Оставшись одна с ничего ещё не понимающим ребёнком на руках, Алинушка еле сдержалась, чтобы не всплакнуть, как это делали украдкой все богатырские жёны, провожая мужей в дальние походы.

И всё-таки что-то ей подсказывало, что не стоило отпускать Переборушку в чужедальнюю сторону. Веяло бедой от этой разлуки. Чувало влюблённое сердечко тоску безотчётную, пусть и ничего конкретного, но всё же.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Старый волхв Перломудр жил, как и полагается волхвам его категории, убеждённым отшельником-аскетом. У него не было семьи, не было учеников и последователей – волхв любил одиночество. Свой скит он редко покидал, ещё реже появлялся в городе. И не потому что далеко шкандылять, а всё по той же причине, не любил большие, да и малые, скопления людей. Изредка выбирался, да и то чтобы повидаться с богатырём и его доброй семьёй, уж больно полюбились они одинокому старику. Последнее же время так и про Перебора

с Алинушкой, казалось, позабыл волхв, не заглядывал. Хотя весточку с сороками изредка отправлял, дескать, не волнуйтесь, жив и здоров покамест, просто дела кой-какие имеются.

В свою очередь богатырь, его супруга и детвора их тоже любили старца. Он всегда странно изъяснялся, не так как все остальные люди. Алинушка искала в его словах и выражениях некий потаённый смысл, а Перебор с детьми, не мудрствуя лукаво, просто веселились его крылатым фразам. Что и говорить, не зря его нарекли Перломудром родители, словно заранее ведали, кто из него получится.

Вот ради какого интересного человека нынче делал небольшой крюк, Перебор Светлогорыч. Свернув с просеки на едва заметную тропинку, богатырь ещё долго петлял по дремучему лесу, пока не выехал на небольшую поляну, на краю которой была вырыта скромная землянка Перломудра.

Подъехав к скиту, Перебор обнаружил на двери землянки амбарный замок и свёрнутую трубочкой берестяную записку, подоткнутую под него. Развернув записку Перебор с трудом разобрал корявый «врачебный» почерк Перломудра (как и все волхвы, старец промышлял в перерывах между философствованиями, целительным знахарством). Записка гласила: «Меня нет, а на нет и суда нет. Буду долго ли, коротко ли, не ведаю сего. Можете подождать, если можете ждать. Ежели уж невтерпёж, ищи меня, тогда найдёшь у Матушки Йогини и воздастся вам».

Ах, прыткий старик! У Йогини значит отирается. Вот зна-

чит, какие у него «кой-какие дела». Перебор вернул записку на место и развернул Приорушку в сторону зачарованного дуба Матушки Йогини. Обещал ведь супруге «лично в руки» передать книги. Да и Матушку Йогиню попроведать не помешает, а то неудобно даже, не навещал добрую старушку после того случая, когда она его с того света вытащила. Со всем, увалень бестолковый, забыл про свою спасительницу.

Уже под вечер Перебор Светлогорыч добрался и до её полянки. Зачарованный дуб, опутанный цепями, стоял, не шелохнувшись. Даже листья на нём, казалось, замерли, не реагируя на озорничавший вокруг дуба ветерок. Кто-то за ним рубил хворост.

Неужели Перломудр за топор взялся? Или это Матушка Йогиня сухостой на лучинки тешит?

– Есть кто дома? – стараясь не напугать стариков, осторожно поинтересовался богатырь. С возрастом и у ведунов от испуга инфаркт может случиться.

Звуки топора стихли. Послышался шелест сухой листвы под ногами идущего из-за дуба человека. Ещё несколько шагов и Перебор различил в полумраке огромное существо с большими рогами на голове.

«Бесовщина! – пронеслась первая мысль в голове Перебора, а за ней вторая и сразу третья. – Доигрались старики в медиумов! Демона вызвали!»

Третья мысль только оформлялась в голове Перебора, а богатырская рука ужехватила кованный из «супербула-

та» меч, а ноги уже пришпорили коня в атаку, а в чресла выплеснулся боевой адреналин. Перебор обрушил на «демона» первый удар меча, едва не выбив из его могучих лап топор, которым «порождение Пекла» пыталось защититься. Уже занес меч для второго разящего удара, когда услышал человеческую речь из уст тёмного существа, и не о пощаде оно молило.

– Эй, браток, ты чего тоже с дуба рухнул? – крикнул «демон», держа топор перед собой и пятясь назад. – погоди драться! Давай поговорим как цивилизованные люди.

Этот относительно спокойный голос произвёл впечатление на Перебора Светлогорыча. Повременил он рубить, но меч держал занесенным над головой рогатой твари.

– Мы люди бедные, денег у нас нет, – заявил «демон». – Живём с бабушкой, никого не трогаем. Не бери грех на душу. Лучше будь неожиданным, но дорогим гостем в нашем доме.

От такого «демонического» признания Перебор и вовсе опешил. А тут ещё на шум выскочили из дуба Матушка Йогиня и чаёвничавший у неё волхв Перломудр.

В рассеянном свете, вырывавшемся из дверного проёма, богатырь разглядел на месте показавшегося ему «демона», крупного мужчину с рогатым варварским шлемом на голове. Дела!

– Что за шум, а драки нету? – подслеповато прищурилась Йогиня. – Скотти, внучек, кто это к нам пожаловал?

«Внучек» только кивнул в сторону восседавшего на коне богатыря: он и сам не понимал, кто это к ним пожаловал и почему этот «кто-то» ни с того ни с сего напал на него.

– Тю! Так это же Славный Малый Перебор Светлогорыч, богатырь рунийский, собственной персоной к нам заглянул, в кои-то веки, – разглядела старушка пришельца. – А это вот внучек мой Скотти, – представила она богатырю верзилу в шлеме, – Да убери ты свой меч, Переборушка. Всё никак не навоюешься. Иди я тебя обниму.

Перебор виновато посмотрел на Скотти-варвара, и пожал плечами, мол, извини, браток, обознатушки вышли. Поняв, что это не разбойник, а хороший знакомый его бабушки, варвар дружелюбно улыбнулся в ответ.

Вернув меч в ножны, богатырь соскочил с коня и, выйдя на свет, поклонился старикам.

– Совсем взрослый стал, возмужал, слов нет, – оглядела Матушка Йогиня богатыря. – А мы всё стареем, стареем. Со всем плохо вижу, милоч, – посетовала она на «гады-годы» и, присмотревшись, добавила, – Вон у тебя, Переборушка, пылинки в бороде застряли. Смахни.

Ну, с таким зрением, удовлетворённо предположил Перебор Светлогорыч, Матушка Йогиня ещё лет триста слепнуть будет.

– Сколько осен, сколько вёсен, – верный своей манере выражаться, распахнул объятия волхв Перломудр. – Не стой истуканом капищным, Переборушка, обнимемся скорей давай,

да только деда не сломай.

Обняв старика и пожав крепкую руку «внучка», Перебор извинился за устроенный им переполох, поведав, как в темноте принял Скотти за рогатого демона, чем рассмешил всех присутствующих и самого варвара, жизнь которого ещё пять минут назад висела, в буквальном смысле, на волоске.

– Ну чего на улице стоять, милости просим в дом, – пригласила старушка нового гостя и старого. – Подкрепимся, что прашуры послали.

Только дверь захлопнулась за людьми, как дуб слегка покачнулся, словно дух перевёл и опять замер.

В свете лучины Скотти-варвар уже более внимательно осмотрел рунийского богатыря. Кого-то он ему смутно напоминал.

– Мы с тобой нигде не встречались? – поинтересовался варвар у Перебора, на что тем был дан категоричный отрицательный ответ.

– И всё же у меня такое ощущение, что я тебя где-то видел, – не отставал Скотти. – Однозначно, видел.

Матушка Йогиня и Перломудр понимающе переглянулись и вздохнули.

Дело в том, что после того как Матушка выходила упавшего с неба Скотти, вернув его практически с того света, оказалось, что мёртвая вода вышибла бедному варвару весьма приличный кусок памяти. Всего-то он помнил, что зовут его Крупный Рогатый Скотт, а его коня Конанифал, и что его

когда-то «целовали облака, слегка». И всё на этом. Матушка Йогиня, подарив ему вторую жизнь, взяла на себя смелость и придумала варвару прошлое, в котором она была его любящей бабушкой – уж больно хотелось ей внука. Удовлетворившись имеющейся информацией, Скотти-варвар зажил тихой жизнью вместе с «бабулей», помогая ей по хозяйству и, сам того не ведая, держал со своим топором в страхе зачарованный хулиганистый дуб. Так вот и жил он, правда иногда начинал тревожиться: ему казалось, что он что-то или кого-то начинает вспоминать, но всегда это была «ложная тревога». К грустной радости Йогини ничегошеньки он так и не вспомнил.

– Бабуль, я тебе точно говорю, где-то я уже Перебора видел, – опять взялся за своё варвар. – Вот не помню где, но обязательно вспомню.

– Хорошо если так, – опять вздохнула Йогиня и перевела разговор на другую тему. – А ты, Переборушка, чего к нам в глухомань пожаловал? Стряслось чего? Али так, провести в кои-то веки сповадился?

Перебор Светлогорович поведал гостеприимным хозяевам всё без утайки: и про блажь княжью, и про то куда он направляется, и про то зачем заехал, и даже привет от Алинушки не забыл Перломудру передать. Вот так!

– Чую неспроста фижня, – сделал вывод по рассказу богатыря Перломудр. – Вижу сполохи огня. Кто-то бучу замышляет, ферзя с поля удаляет.

– Да ладно тебе нагнетать, – попеняла на волхва Йогиня. – Это ты на лучинку вылупился, вот и мелешь пустое.

Волхв строго посмотрел на старушку и проворчал:

– Свято место часто пусто – кланяются все «капусте».

– Вот, сейчас правильно заметил, – «согласилась» Йогиня и подсыпала в миски богатыря и варвара квашеной капустки. Она до конца не понимала истинного смысла крылатых перлов волхва.

Перломудр ударил кулаком по столу.

– Я талдычу, что опасно суваться в пампасы в памперсах с лампасами, – совсем уж загадочно «завернул» волхв. Видя, что его никто не понимает, «перевёл»: – Один в поле не спойман, значит не вор он и не воин.

– Перломудр, хватит своими загадками объясняться, – не выдержала старушка, взъелась на волхва. – Ты простыми словами скажи, что не так.

Эх, темнота! Это же так просто!

– Я вам битый час объясняю, что богатырю одному идти за священные рубежи родины не следует, – с трудом выговаривая «простые слова», пояснил Перломудр. – Вдали от земли рунийской он силушку свою может растратить по мелочам, поэтому ему нужен боевой товарищ, который будет его прикрывать на время привалов, приёмов пищи и перекуров, пока Перебор восстанавливаться и сил набираться будет. Ясно, глухомань?! – закончил волхв свою речь язвительным замечанием, как будто сам был не из ещё большей глуши.

– Дак есть же такой человек! – воскликнул Скотти-варвар.

– И хто? – скептически поинтересовался волхв: Скотти и себя-то не полностью знает, а ещё кого-то посоветовать собрался.

– Дак я и есть тот самый боевой товарищ! – поднялся варвар во весь свой огромный рост, и в комнате сразу стало как-то тесновато.

– Куда тебе, внучек? Ты ведь дальше речушки никуда не ходил, – попыталась отговорить варвара Йогиня.

– Обожди, женщина, – строгим тоном перебил её Перломудр. – А ты сядь на место.

Скотти повиновался и вновь присел на, скрипнувшую под его весом, лавку.

Перламудр подошёл к варвару и, оттянув тому веко, надолго заглянул вглубь его левой створки «зеркала души». Остальные, внимательно следили за действиями старца.

– Любопытно, – пробубнил волхв и, оставив глаз варвара в покое, вернулся на своё место. – И как это я раньше не замечал.

– Что ты там разглядел, старый? Не тяни! – опять не выдержала Йогиня, напустилась на волхва. – Только давай без своих «афонаризов». Говори как есть.

Волхв оглядел сидевших за столом, погладил свою редкую бородёнку в раздумье и, наконец, заговорил.

– Оказывается Скотти опытный воин. Я увидел в его глазу много битв и поверженных чудовищ. И... ещё одно. Там на

краткий миг отразился размытый, но весьма похожий, образ Переборушки, ещё юного, безусого, будто нарисованного.

– Вот! – опять вскочил варвар. – Что я вам говорил?! Я определённо богатыря уже где-то видел.

– Каждый оратай нынче мечтает стать оратором, – рассердился волхв. – Сядь, и не начинай канючить пока я не закончу!

Скотти поспешно присел. Перломудр продолжил.

– Знать судьба их однажды сводила. А может, сводила да не свела. Чего гадать? Но то, что неспроста они сегодня встретились, это ясно как день что неспроста, – волхв обратился к богатырю. – Перебор, ты точно не помнишь Скотти? Точно нигде не пересекались? Подумай!

Перебор Светлогорыч напряг память изо всех сил, что аж-но затылок у него заныл от напряжения, но так никого похожего на Скотти-варвара и не припомнил.

– Нет, точно не помню.

– Погодь, погодь, – вмешалась в разговор Матушка Йогиня. – Дак я же и Переборушку однажды почти с того света вытащила. Он тогда с перепоя, да с непривычки, чуть не око-чурился. Помнишь, Боря?

Перебор утвердительно кивнул. Ещё бы он не помнил, на всю жизнь запечатлел тот тяжёлый случай в своей биографии.

– Это выходит, что, возможно и у Перебора, есть некоторые провалы в памяти, – подхватил старушкину логическую

эстафету волхв. – Или даже в коме пересекались на тоноком плане.

– Может быть и так! – закивала Йогиня.

– А я вам больше скажу, – добавил Перломудр. – Вы оба получаете через чудесное спасение Матушкой Йогиней друг дружке побратимами. И точка с запятой!

Вот оно как вышло! Богатырь и варвар ещё более внимательно осмотрели друг друга и остались вполне довольны таким братанием. Оба «брата» пришлись друг другу по душе.

– А коли так, – заключил волхв. – То лучшего спутника для нашего богатыря и не найти.

– Быть по сему, – согласилась Йогиня отпустить «внучка», поди, не один шёл, с богатырём рунийским. Друг дружку в обиду не дадут. Подумав, старушка ещё раз вздохнула и добавила. – Пути пращуров неисповедимы.

– А за Матушкой Йогиней я пригляжу, – успокоил её «внучка» Перломудр, искоса глянув на старушку. Та, словив его лукавый взгляд, зарумянилась. – Езжайте и ни о чём не беспокойтесь.

На том и порешили. После чего все дружно завалились спать, чтобы с рассветом отправить «побратимов» в сторону чужеземную за серебристым пером Пегасуса.

Вот вам и «тридцать вёрст не крюк». Ох, не знаю, друзья, что из этого «побратимства» выйдет, главное чтобы всё это боком не вышло. Ну не будем гадать и каркать, посмотрим как там дальше события развиваться станут.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Ни свет, ни заря, оседлали наши герои лошадей. Напоследок Матушка Йогиня наказала «внучку» быть верным другом богатырю и не осрамиться в походе, на что тот дал клятвенные заверения «не осрамиться» и вместе с Перебором они отправились в поход.

Молодая да озорная лошадка Приорушка поначалу с сомнением глядела на пожилого Конанифала трусившего под Скотти-варваром, но видя его, не по годам наличествующие выносливость и силу, а потому как он верно выбирал проезд в тех или иных непролазных местах, и высокий для самца IQ, вскоре зауважала и подружилась с заслуженным ветераном. Тем более что конь вёл себя достойно, не приставал с глупыми намёками, отчего многие её поклонники в своё время получали копытом в глаз.

По Рунии-матушке путники ехали спокойно: каждый встречный приветствовал заслуженного рунийского богатыря, и Скотти-варвару было лестно скакать рядом с таким человеком, который ко всему прочему являлся ему через «бабушку» Йогиню побратимом. И пусть он ничего не помнил из своего туманного прошлого, для себя он категорично решил, во что бы то ни стало, проявить свои сокрытые до поры, до времени способности в походе, чтобы стать равным своему спутнику.

Через несколько ничем не примечательных дней наши герои выехали к рубежу земли родимой и, миновав каменный пограничный столб, заехали на нейтральную территорию.

Ну как нейтральную?! Ничейную.

Нет, тоже не отражает сути. Конечно же, она была «чей-ная». В этих необъятных степях всегда много народу проживало, а ещё больше кочевало. Здесь ещё в незапамятные времена, жили всякие разные общины и племена. Они почему-то всегда воевали между собой, разоряли друг друга, грабили своих и чужих – в общем, жили на полную катушку, не давали себе умереть от скуки, находя для умирания более интересные способы.

Купцы и караванщики всегда с серьёзными проблемами и разборками проезжавшие эти места называли их – край непуганых обормотов; историки и географы – белым пятном истории и географии, соответственно; а этнографы-астрономы (не удивляйтесь в те времена и не такие профессии встречались), они со знанием дела окрестили этот край – чёрной дырой. Но кто бы как не называл этот обширный, а по весне сказочно красивый, край, в анналах истории он запомнился как Диковатое Полюшко.

Так вот это Диковатое Полюшко, было таким дивным местом, в котором никогда не было нормальной (в классическом понятии) государственной власти. Как я уже замечал где-то в преамбуле, здесь царила полнейшая анархия. Никто не собирался никому подчиняться. Одно племя, или общи-

на, или банда (я же говорю, здесь всяких хватало) никогда не вступало переговоры, а тем паче в союз с другим родом, или кланом, или шайкой. Здесь это считалось зазорным. Не спорю, бывали такие исторические периоды, когда одно из племён усиливалось до такой степени, что вытесняло остальные общины на периферию Полюшка (например, орда воинственных фазаров или банда беглого Зафара). Но проходило совсем немного времени и такие крупные общности вновь распадались на кучи маленьких, ибо все хотели быть пущай маленьким, но начальничком в своей группировке.

Нынче же в Диковатом Полюшке наибольший удельный вес (в плане земельных уделов и наделов) имело племя печенеловцев, в котором представители родственных родов каким-то образом умудрились собраться на шалтай-болтай, то есть на совещание, а может случайно их вожди на какой-нибудь свадебной тойдорой-пирушке встретились и за рюмочкой кобыльего кислого молока договорились жить дружно (как оно было на самом деле, даже историки разводят руками: «белое пятно» однако). А в понятие «жить дружно» они вложили такие пункты как: взаимопомощь при разборках с «не нашими», не делать «подлянок» своим и (самое на тот момент прогрессивное начинание) создание «совета старейшин», что, согласитесь, уже пахло первыми признаками какой-никакой, а государственности. Благодаря такому «прогрессу», повторяю, объединённое племя печенеловцев выдвинулось в Диковатом Полюшке на первый план,

затерев остальные, менее креативные и продвинутые группировки. Вот они-то в последнее время и создавали проблем всем кому не лень. Своими постоянными набегам, поджогами, грабежами (одних курей они у приграничных крестьян спёрли – пять птицефабрик можно было организовать) они так достали и руничей живших у границ княжества, и других своих «соседей», что прямо уже в печёнках у всех сидели. Потому, кстати и прозвали это племя младое беспокойное печенеловцами (это чтобы вы знали, а то историки опять руками разведут, мол, не знаем, почему их так звали, «белое пятно» же). В общем, сильно лютовали злодеи-лиходеи. Никому проходу не давали и сами не на свои вершки разевали рты, что даже Перебор Светлогорыч несколько ночей дежурил на этих рубежах, пока не объяснил им популярно, что так делать нехорошо и чревато возникновению проблем со здоровьем. Так что, ко всему прочему, в Диковатом Полюшке имелись силы, которые точили недовыбитые зубы на богатыря рунийского.

Вот в какое интересное место въехали наши герои.

Взобравшись на ближайший курган для рекогносцировки богатырь и варвар зачарованно загляделись: над зелёными холмами, ясно различимый, вился в тихом, безветренном воздухе, клубящийся пар, а в низинах, середь луговых трав роились беспокойные светлячки. Первые лучи восходящего солнца выглянули из-за горизонта, разгоняя утренние сумерки и... прекрасное расположение духа у товарищей сме-

нилось тревогой. Сизый дым, который путники приняли за утренние испарения, поднимался над сотнями костров, вокруг которых грелись озябшие печенеловские воины.

– Вот незадача! – переглянулся Перебор с варваром. – Как будто специально здесь оказались.

– И не говори, странно всё это, – согласился с богатырём Скотти. – Какая территория у этого Диковатого Полюшка, а они именно здесь очутились. Попахивает утечкой информации и провокацией, – варвар незаметно поправил рукоять своего двустороннего топора, торчавшего из-за спины, – что делать будем? Прорываться или объедем от греха подальше?

Перебор Светлогорыч немного подумал и принял решение.

– На рожон лезть не будем, но и спину им показывать не станем. Да и не факт, ежели в другом месте просочиться попробуем, что они туда не переключают. Попробуем с ними на словах договориться. У меня среди печенеловцев есть знакомые, хотя сам факт нашего знакомства для них не лучшее воспоминание, но может как раз это и подействует.

– Понимаю, – улыбнулся Крупный Рогатый Скотт. – Хорошо. Как скажешь. Давай, поезжай первым, а я тебе спину прикрою.

Богатырь благодарно кивнул варвару и пустил Приорушку вперёд, навстречу печенеловскому войску. За ним, прикрывая спину товарища, поскакал Скотти-варвар.

– Мир вашему дому! – подъехав к подозрительно притих-

шим у костров воинам, поднял в приветствии правую руку Перебор. – Кто у вас старший, мужики? С кем бы поговорить?

От одного из костров поднялся косматый нечёсанный воин с серьгой в ухе и шрамом через всё лицо.

– Я здесь старший! – сказал он, стараясь не глядеть богатырю в глаза.

Перебор Светлогорыч пригляделся повнимательнее и расплылся в улыбке.

– Чукогек, ты что ли?! Вот так встреча! Сколько зим, сколько лет?! – богатырь обернулся к внимательно следившему за печенеловцами варвару. – Это же мой знакомый, десятник Чукогек.

– Теперича, я тысячник! – поправил богатыря воин и дотронулся до шрама на щеке.

– Поздравляю! Молодец! – почти искренне обрадовался за «знакомого» Перебор. – Как лицо?! Смотрю, зажило? Ну, ты на меня не сердись за старое. Шрамы, сам знаешь, воинов, а тем более тысячников, украшают.

Ни один мускул не дрогнул на лице злопамятного тысячника Чукогека. Он даже криво улыбнулся (всё из-за этого шрама), хотя уже готов был отдать приказ на растерзание своего старого обидчика. Сдержался. Ещё и потому, что по полученной информации богатырь должен был приехать в их Диковатое Полюшко один, а их оказалось двое, причём и второй не менее внушительно и грозно выглядел.

– Чукогек, да слышишь ли ты меня?! – услышал тысячник богатыря, обращавшегося к нему. – Слышь? У нас, такое дело, проехать надо. Мы в этот раз не к вам, мы транзитом. Так что мы проедем? Али как?

Вот это богатырское «Али как?» напомнило тысячнику былое и окончательно отрезвило его. Тем более, что по ранее обговорённому плану, ему разрешалось пропустить рунийского богатыря вглубь Диковатого Полюшка, чтобы отрезать путь к отступлению, когда богатырь наткнётся на их основные силы во главе с бесстрашным Барабир-багатуром.

– Какой разговор, Перебор-багатур, – лстиво ухмыльнулся Чукогек. – Поезжай куда надо. Мы тебя пропускаем. Тебя многие наши помнят и уважают. Глядишь и с ними встретишься, покалякаешь. Проезжай смело! – тысячник махнул рукой, и его воины раздвинулись, отащив в стороны и костры, образовав широкий проход через войско.

– Ну, рад был увидаться, тысячник Чукогек! – помахал Перебор старому знакомому и без опаски поехал через проход.

Скотти-варвар, не разделявший радости богатыря, последовал за ним, чутко контролируя фланги и тыл.

– Берфуля кахахачи! – грязно выругался на своём Чукогек (цензура запретила переводить это выражение, поэтому догадывайтесь сами, господа хорошие, что гражданин имел в виду), когда его злейший враг со своим спутником беспрепятственно проехали через всё войско и поскакали дальше. –

Я тебе всё припомню, рунийский богатырь!

Тысячник отправил гонцов вперёд предупредить, что «сыр в мышеловке», затем приказал сниматься с привала и седлать коней.

Через полчаса его войско, в полном молчании, последовало за немногочисленным, но от того не менее опасным, противником.

– Видишь, как всё хорошо сложилось, – сказал Перебор, поравнявшемуся с ним Скотти. – Помнят меня здесь. Уважают!

– Надеюсь, что это действительно так, – оглянувшись, и увидев сзади клубы пыли, ответил варвар. – Хотя меня терзают смутные сомнения.

– Научился у Перломудра терзаться и сомневаться, – улыбнулся богатырь, но видя что «внучёк» Йогини чем-то обеспокоен, не стал больше отвлекать того от такого нелёгкого дела, замолчал.

Весь день ехали Перебор-богатырь и Скотти-варвар, удаляясь от земли родимой. И за весь день они больше никого к своему удивлению не встретили. Лишь изредка, то слева, то справа, то спереди, то сзади клубилась пыль, словно кто-то скакал то в одну сторону, то в другую, то в третью, а то и в четвёртую.

Уже стало вечереть. Жаркое солнышко, изрядно прогревшее за день бескрайнюю степь, клонилось за горизонт. Путники уже решили остановиться на привал, как увидели на

горизонте огни большого города.

– Ты тоже это видишь? – спросил Перебор у товарища.

Варвар в ответ только кивнул и нахмурился – не нравились ему эти «светлячки».

– Давай, что ли, туда доедем? – предложил богатырь. – Зачем в поле ночевать, когда там селение есть. Наверняка там найдётся харчевня, где можно поесть горячего и заночевать.

– Давай глянем, что там за «Абчхи-сарай» стоит? – сказал варвар.

– Какой «Абчхи-сарай»? – не понял богатырь. – Ты знаешь название тамошнего города.

– Нет, просто ляпнул первое, что с языка слетело, – сам не понял варвар, что он такое сказанул. – Может и нет города с таким названием.

– А-а! Ну, тогда поехали!

Подъехав к огням «большого города» путники второй раз за сегодняшний день встревожились: это опять оказались печенеловские костры, только теперь их было гораздо больше. И костров, и, соответственно, печенеловцев.

– Вот тебе и «Абчхи-сарай», – проворчал Крупный Рогатый Скотт и посмотрел на задумавшегося богатыря. – Что теперь?

Богатырь не ответил, размышлял.

Долго размышлял Перебор Светлогорыч, над ситуацией. Разумеется, не забыл он припомнить и кореша своего Савана, который давно бы чего-нибудь придумал эдакого. Пытал-

ся неординарно думать, богатырь, но ничего в голову не приходило. Так ничего он и не придумал.

Оглядевшись, понял Перебор, что дальше продолжать думать, смысла уже нет. Сразу решать надо было: прорываться или обходить. Теперь уже поздно.

Печенеловское войско, посчитав, что рунийский богатырь уже достаточно отошёл от своей земли рунийской, решило преградить ему путь именно в этом месте. Пока богатырь всё ещё размышлял, следовавшие за ним и варваром, а также слева и справа от них, сводные отряды печенеловцев, полностью взяли их в кольцо окружения и, следуя примеру своих главных сил, развели костры.

Представшая взору путников картина впечатлила – тысячи костров со всех сторон и почти до самого горизонта. Хорошие силы стянул вокруг них противник. Интересно бы знать кто у них командир?

Тут, видимо, с ответом на мысленный вопрос богатыря, к ним приехали печенеловские парламентёры. И «старых знакомых» среди них богатырь не увидел.

– Здравствуй, рунийский богатырь Перебор, – остановившись в отдалении, важно поприветствовал его жирный пожилой парламентёр, самый «юный» из старейшин.

– И вам не хворать! – миролюбиво ответил Перебор Светлогорыч.

– Ты проник на нашу территорию без визы и провёз оружие, – начал нарываться на скандал жирдяй. – Это уголовное

преступление!

– Так я разрешение спросил у вашего тысячника Чукоге-ка, – не собирался скандалить Перебор, стараясь решить дело миром. – Я же ему пояснил, что мы едем транзитом.

– Это просто отговорки! – с ненавистью глянул толстяк на богатыря. – Мы тоже может быть к вам раньше «транзитом» ездили. Ты даже не спрашивал, сразу в глаз бил, злодей.

– Было дело, бил, – не стал отнекиваться Перебор. – Но я же бил тех, кого поймал на «месте преступления». Там все улики, вещдоки были, свидетели и потерпевшие подтверждали. Никакого превышения полномочий с моей стороны не было.

– Всё равно сегодня ты виноват, потому что нас много, – не придумав чем ещё укорить ерепенистого богатыря, при-вёл парламентёр «последний довод королей». – Вы в меньшинстве и окружены нашим войском вдали от своей земли.

– Ну, это ещё ни о чём не говорит, – недобро усмехнулся Перебор Светлогорыч и стал разминать плечи, шею. Его примеру последовал не встречавший в переговоры Крупный Рогатый Скотт.

Покосившись на здоровяка в рогатом шлеме, парламентёр поднял руку.

– Не сегодня рунийский богатырь. Завтра утром ты выйдешь на битву один на один с нашим великим воином Барабир-багатуром. Это будет бой десятилетия на звание багатур-чемпиона. До утра на вас не нападут. Готовься к смерти

спокойно!

Сказав, парламентёр развернул коня и в сопровождении своей свиты усакал в сторону пылавших костров.

Вот те раз! Это неслыханно! Один на один! Либо действительно серьёзный противник выйдет завтра супротив богатыря, либо жди иной каверзы.

В любом случае выходило не здорово: если завтрашний противник и впрямь окажется достойным воином, он если даже и не справится с богатырём, то уж точно отнимет достаточно силушки Перебора Светлогорыча, пока тот сможет утихомирить его и тогда уж, наверняка, многотысячная орда печенеловцев не откажет себе в удовольствии добить ненавистного богатыря и его спутника. Перебор прекрасно это понимал и ещё раз пожалел, что не было рядом с ним верного Савко, который что-нибудь бы, да придумал, или просто «развёл забитую стрелку по понятиям».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.